

ISSN 2072-7607

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»

**ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ
В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ**

Научный журнал

Выпуск 1 (68)

Рязань 2024

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 20 марта 2018 г. Реестровая запись СМИ ПИ № ФС77-72456

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Е. Г. Логинова, главный редактор, д-р филол. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань),

Е. С. Устинова, заместитель главного редактора, канд. пед. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань),

С. Ю. Потапова, д-р филол. наук, проф. (центр немецкого языка — партнер Гёте-Института, Международная академия бизнеса и новых технологий, Ярославль),

В. Н. Степанов, д-р филол. наук, проф. (Международная академия бизнеса и новых технологий, Ярославль)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Н. А. Ахренова, д-р филол. наук, доц. (Государственный социально-гуманитарный университет, Коломна),

В. Н. Бабаян, д-р филол. наук, доц. (Ярославский государственный педагогический университет имени К. Д. Ушинского, Ярославль),

Ван Цзиньлин, д-р филол. наук, проф. (Чанчуньский университет, Чанчунь, Китай),

А. Н. Гордей, д-р филол. наук, проф. (Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь),

Г.-Г. Дрёссигер, д-р филол. наук, проф. (Каунасский филиал Вильнюсского университета, Литва),

С. Т. Золян, д-р филол. наук, проф. (Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград, Россия; Российско-Армянский университет, Ереван, Армения),

А. А. Колесников, д-р пед. наук, доц. (Московский городской педагогический университет, Москва),

Т. Я. Кузнецова, д-р филол. наук, проф. (Северный государственный медицинский университет, Архангельск),

Л. Н. Лунькова, д-р филол. наук, доц. (Государственный социально-гуманитарный университет, Коломна),

Альберто Манко, д-р филол. наук, доц. (Университет L'Orientale, Неаполь, Италия),

Е. Л. Марьяновская, канд. пед. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань),

Л. А. Милованова, д-р пед. наук, проф. (Московский городской педагогический университет, Москва),

А. Д. Петренко, д-р филол. наук, проф. (Институт иностранной филологии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь),

И. М. Петрова, д-р филол. наук, доц. (Московский городской педагогический университет, Москва),

А. М. Поликарпов, д-р филол. наук, проф. (Северный (Арктический) федеральный университет, Архангельск),

А. А. Решетова, д-р филол. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань),

Т. С. Серова, д-р пед. наук, проф. (Пермский государственный технический университет, Пермь),

О. В. Соколова, д-р филол. наук, старший научный сотрудник (Институт языкознания РАН, Москва),

А. В. Туарменская, канд. филол. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань),

В. В. Фещенко, д-р филол. наук, старший научный сотрудник (Институт языкознания РАН, Москва),

Д. М. Храбскова, канд. филол. наук, доц. (Институт иностранной филологии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь),

О. Г. Чупрына, д-р филол. наук, проф. (Московский городской педагогический университет; Московский педагогический государственный университет, Москва),

И. М. Шеина, канд. филол. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань).

Журнал выходит 4 раза в год.

С 01.12.2015 г. **входит в перечень российских рецензируемых научных изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Адрес и телефон редакции: 390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46;
тел.: (4912) 21-57-23, e.ustinova@365.rsu.edu.ru

Ссылка на журнал «Иностранные языки в высшей школе» обязательна.
Редакция не всегда разделяет мнение авторов.

Подписаться на журнал можно в любом отделении связи.

Подписной индекс издания № 55170 в каталоге «Объединенный каталог Пресса России»

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина», 2024

© «Иностранные языки в высшей школе», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово	5
---------------------------	---

Раздел I Слово в языке и в тексте

<i>Гончаренко Е. С.</i> Функционально-прагматический потенциал заголовков современных испанских аналитических статей	6
<i>Гутовская М. С.</i> Метаязыковые обозначения в русском и английском языках: когнитивный фактор формирования межъязыковых сходств и различий	14
<i>Карпенко Е. И.</i> О лингвокреативном употреблении библейских аналогий в немецком языке	25
<i>Николаенко А. В.</i> Семантика предлога à современного французского языка в когнитивном аспекте изучения (пространственный компонент значения)	32
<i>Поликарпов А. М., Шенурёва О. А.</i> Системный анализ немецкоязычного описания освещения наружной рекламы: лингвосенсорика светодизайна	41
<i>Сюз Бохао</i> Фразеологическая система русского и китайского языков в парадигме количественных характеристик	52

Раздел II Теория и практика перевода

<i>Евтушенко О. В.</i> Социальная норма конференционного перевода на русский язык в современных условиях	58
<i>Лобанов С. В.</i> Идейно-художественные особенности короткого рассказа как фактор вариативности перевода имплицированной информации	64
<i>Медведева Д. И.</i> Особенности передачи элементов религиозного дискурса в переводах романа Ш. Бронте «Джейн Эйр» на русский язык	72
<i>Потапова С. Ю.</i> Роман Даниэля Кельмана <i>Die Vermessung der Welt</i> через призму критики перевода	81
<i>Соловьёва Е. А.</i> Фразеологизм как инструмент прагматической модификации переводного художественного текста (на материале первого перевода романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» на французский язык)	89
<i>Степанов В. Н., Ерёмкина Н. С.</i> Лингвистические характеристики точек когнитивного напряжения (ТКН) при переводе поэтического текста	98
Требования к публикациям и правила представления рукописей авторами	106

TABLE OF CONTENTS

Opening address	5
-----------------------	---

Part I The Word as a Linguistic and Textual Unit

<i>Goncharenko, Elizaveta</i> Functional-pragmatic potential of contemporary Spanish analytical articles headlines	6
<i>Gutovskaya, Marina</i> Metalingual nominative units in Russian and English: a cognitive factor in the formation of cross-language similarities and differences	14
<i>Karpenko, Elena</i> On the linguocreativity of the use of biblical analogies in German	25
<i>Nikolayenko, Anastasia</i> Semantics of the preposition à of modern French in the cognitive aspect of studying (spatial component of meaning)	32
<i>Polikarpov, Aleksandr; Shepureva, Olga</i> System analysis of the German-language description of outdoor advertising lighting: linguosenotics of lighting design	41
<i>Xue Bohao</i> Phraseological system of Russian and Chinese languages in the paradigm of quantitative characteristics	52

Part II Theory and Practice of translation

<i>Evtushenko, Olga</i> Social norm of conference interpretation and translation into Russian in modern conditions	58
<i>Lobanov, Sergey</i> Conceptual imagery in a short story as a factor to translating implicit information	64
<i>Medvedeva, Diana</i> Peculiarities of transferring elements of religious discourse in Russian translations of Ch. Brontë's <i>Jane Eyre</i>	72
<i>Potapova, Svetlana</i> Daniel Kelmann's novel <i>Die Vermessung der Welt</i> through the prism of translation criticism	81
<i>Solovyeva, Evgeniya</i> Phraseologism as a means of pragmatic modification of translated literary text (drawing on the case of the initial translation of Mikhail Lermontov's novel <i>A Hero of Our Time</i> into French)	89
<i>Stepanov, Valentin; Eremina Natalia</i> Linguistic characteristics of cognitive tension points (CTP) in translated poetic texts	98
Requirements to the papers submitted (in Russian) *	106

* Available in English at: <http://fljournal.rsu.edu.ru/en/technical-requirements>

Иностранные языки в высшей школе. 2024. № 1 (68). С. 72–81.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2024;1(68):72–81.

Научная статья
УДК 821.111-31=161.1.09:81'255.2(045)
DOI: 10.37724/RSU.2024.68.1.009

Особенности передачи элементов религиозного дискурса в переводах романа Ш. Бронте «Джейн Эйр» на русский язык

Диана Игоревна Медведева

Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия
diami@mail.ru

Аннотация. Цель нашего исследования — сопоставление способов передачи элементов религиозного дискурса в переводах романа «Джейн Эйр», выполненных В. О. Станевич и И. Г. Гуровой. Подобное сопоставление предпринимается впервые. Работа вносит определенный вклад в исследования повторного перевода художественной прозы, а также в изучение перевода элементов религиозного дискурса с английского языка на русский. Стратегии переводчиц определялись историческим периодом, в который работала каждая из них, и существовавшими тогда переводческими традициями. Станевич, воссоздав основные сюжетные вехи и художественные особенности романа, прибегает к сокращениям и купюрам по двум причинам: из-за советской цензуры и одновременно для того, чтобы сделать роман более понятным для массового читателя. Ее стратегия — доместикация текста перевода, приближение его к читателю, ориентация на принимающую культуру. Гурова выполняет полный перевод элементов религиозного дискурса и вместе с тем добавляет религиозные мотивы, отсутствующие в оригинале, а также архаизирует текст, насыщая его славянизмами. Гурова придерживается стратегии форенизации текста перевода и ориентации на передающую культуру.

Ключевые слова: художественный перевод, роман «Джейн Эйр», перевод В. О. Станевич, перевод И. Г. Гуровой, сопоставительный анализ, религиозный дискурс, прецедентные феномены.

Для цитирования: Медведева Д. И. Особенности передачи элементов религиозного дискурса в переводах романа Ш. Бронте «Джейн Эйр» на русский язык // *Иностранные языки в высшей школе*. 2024. № 1(68). С. 72–81. DOI: 10.37724/RSU.2024.68.1.009.

Original article

Peculiarities of transferring elements of religious discourse in Russian translations of Ch. Brontë's *Jane Eyre*

Diana I. Medvedeva

Udmurt State University, Izhevsk, Russia
diami@mail.ru

Abstract. The paper is aimed at comparing the ways of translating the elements of the religious discourse in Russian translations of Ch. Brontë's novel *Jane Eyre* made by V. Stanevich and I. Gurova. This research is a contribution to studies of retranslated texts of classical English literature, and of translating the elements of the religious discourse from English into Russian. The translators' strategies are determined by the time each of them lived and worked in, as well as by translation conventions which dominated at that time. V. Stanevich re-creates basic ideas, storylines and the tone of the book, but she shortens several text fragments related to religious topics and omits some biblical names and allusions. In our view, this is done equal parts because of the Soviet censure and aiming to make the text closer to and more intelligible for an average Russian reader. V. Stanevich's strategy is domestication of the text, making it conform to the culture of the language being translated to. I. Gurova, being free from antireligious censure, translates the elements of religious discourse in the novel fully and completely; besides, she adds some religious motifs that are not present in the original, and makes the text more archaic by using obsolete and elevated words from Church Slavic. In general, I. Gurova's strategy is foreignization of the text used to preserve the specificity of the source language culture.

Keywords: literary translation, *Jane Eyre*, V. Stanevich's translation, I. Gurova's translation, comparative analysis, religious discourse, precedent phenomena.

For citation: Medvedeva D. I. Peculiarities of transferring elements of religious discourse in Russian translations of Ch. Brontë's *Jane Eyre*. *Inostrannye yazyki v vyshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2024, 1(68); (In Russ.) Pp. 72–81. DOI: 10.37724/RSU.2024.68.1.009.

Введение

Роман Шарлотты Бронте *Jane Eyre* (впервые вышел из печати в 1847 году) до настоящего времени вызывает большой интерес читателей, литературоведов, переводчиков и исследователей перевода. Автор романа, как и его главная героиня Джейн Эйр, была дочерью священника, религия играла в ее жизни огромную роль, поэтому роман проникнут религиозным пафосом.

В 1849 году, всего через два года после выхода в свет оригинального произведения, русскоязычный читатель познакомился с романом в переводе И. И. Введенского («Дженни Эйр»). Согласно исследованию Е. И. Самородницкой, философско-религиозная проблематика в этом переводе уходит на второй план или вовсе нивелируется. Пропуски фрагментов текста, содержащих религиозные мотивы, могут быть обусловлены как внелитературными факторами (запрет на упоминание западного христианства), так и формирующейся литературной парадигмой «прогрессивного» реалистического романа, для которого религиозные вопросы не релевантны [Самородницкая, 2022].

Материалом нашего исследования являются три базовых текста: роман Ш. Бронте *Jane Eyre* и его переводы, выполненные В. О. Станевич и И. Г. Гуровой. Предмет исследования — особенности передачи элементов религиозного дискурса в этих переводах как наиболее релевантных для современного русскоязычного читателя. Основные методы — сравнительно-сопоставительный и описательный, а также метод лексикографического анализа. В работе представлен обширный перечень примеров с комментариями, которые могут быть использованы в рамках учебных курсов по переводу. Анализ переводов романа «Джейн Эйр» на русский язык посвящены работы Ю. В. Дьяченко, Е. И. Бойчук и Е. А. Трофимовой, Е. И. Самородницкой. Имеется работа А. А. Нененко, В. В. Панина и Ю. В. Рындиной о передаче прецедентных феноменов в переводах романа, в числе которых рассмотрены и некоторые феномены из сферы религии, однако передача элементов религиозного дискурса в «Джейн Эйр» ранее не являлась предметом специального анализа.

Парадоксально, что роман «Джейн Эйр» в переводе Станевич, опубликованный в атеистическом государстве СССР (1950 год), намного более «религиозен», чем в переводе Введенского. Вероятно, пафос честного, добросовестного труда, противостояния миру аристократов и борьбы женщин за равноправие «примирили» советскую цензуру с еще одним пафосом книги — религиозным. Однако, как пишет А. Л. Борисенко, Станевич не только выпускала отрывки с наибольшим религиозным пафосом, но и все время смягчала накал религиозной экзальтации [Борисенко]. Перевод Гуровой появился именно потому, что религиозный аспект романа в предыдущих переводах не был воспроизведен полностью. Он вышел в свет во время перестройки (1990 год), когда все запреты на публикации религиозного характера были сняты, и это наиболее полный из всех имеющихся русских переводов «Джейн Эйр».

Вслед за Е. В. Бобыревой мы понимаем религиозный дискурс как сложный коммуникативно-культурный феномен, основанный на системе определенных ценностей, который реализуется в виде определенных жанров и выражается посредством определенных языковых и речевых средств [Бобырева, 2007, с. 1]. В исследуемом романе представлены следующие элементы религиозного дискурса: прецедентные имена, слова-реалии, фрагменты текстов из Священного Писания, аллюзии на библейские события.

Элементы религиозного дискурса в романе используются двояко. Они могут быть предметом речи и употребляться в прямом значении, чтобы говорить о вере, о христианских ценностях и убеждениях, а могут служить средством придания экспрессивности в составе тропов и фигур речи, сравнений, метафор и др. Оба способа свидетельствуют о том, что христианство — весьма значимая часть английской культуры первой половины XIX века, а употребление элементов религиозного дискурса для украшения речи является показателем не только и не столько религиозности и веры, сколько образованности персонажей.

Перечислим основные характеристики сюжета, указывающие на важную религиозную составляющую романа. Джейн Эйр — литературная героиня, которая руководствуется христианскими принципами и находится в живом общении с Богом. Джейн обладает сильной волей, но сознательно и добровольно отдает себя под руководство божественного Провидения. В критические, переломные моменты жизни она обращается к Богу, прося поддержать ее и направить по верному пути. Проведя восемь лет в школе-пансионе для сирот, восемнадцатилетняя Джейн молится о переменах в жизни, и Провидение приводит ее в Торнфилд, дом мистера Рочестера. Узнав правду о жене своего возлюбленного, Джейн взывает к высшей силе: «Что мне делать?», и получает ответ — от внутреннего голоса и Провидения (здесь они неразделимы) — «Немедленно покинь Торнфилд». Полумертвая от голода и усталости после

трехдневных скитаний, она обращается к Богу, готовая смиренно принять Его волю, — и ее спасает Сент-Джон Риверс, который, как выясняется позже, оказывается ее кузеном. Наконец, получив от Сент-Джона предложение брака без любви, она снова молит Бога указать ей путь и получает знак свыше, после чего воссоединяется с мистером Рочестером. Отметим, что после каждого случая Божьей помощи Джейн не забывает возносить к Богу благодарственные молитвы. В конце романа благодарность Богу вложена в уста главного героя — Рочестера, решившего вести отныне более чистую жизнь, чем раньше. Все эти ключевые сюжетные вехи воссозданы в переводе Станевич и, разумеется, в переводе Гуровой.

В ходе нашего исследования рассмотрены следующие аспекты:

1) способы «смягчения религиозной экзальтации» в переводе Станевич: а) опущение и сокращение контекстов религиозного содержания; б) генерализация;

2) способы усиления религиозного пафоса в переводе Гуровой: а) добавление аллюзий на священные тексты христианства там, где их нет, либо дополнительных к уже имеющимся в оригинале; б) при переводе многозначных слов выбор значений, относящихся к религиозному дискурсу; в) архаизация и повышение регистра речи путем использования славянизмов.

Основная часть

Опущение и генерализация vs полный перевод

Стратегия смягчения религиозной экзальтации реализуется в переводе Станевич несколькими способами, один из которых — сокращение отрывков религиозного содержания. Приведем высказывание Элен, подруги Джейн (1):

(1) “Read the New Testament, and observe what Christ says and how He acts; *make His word your rule, and His conduct your example*” (p. 88). — «Почитай новый Завет и обрати внимание на то, что говорит Христос и как он поступает» (Станевич, с. 70). — «Читай Новый Завет, вдумывайся в слова Христа и Его деяния, *сделай Его слова законом для себя, а Его поступки — примером*» (Гурова, с. 74)¹.

Отметим, что наиболее значительному сокращению подверглись пространные монологи Элен Бернс в главе 6 и Сент-Джона Риверса в главе 32, а также финальный монолог героини-рассказчицы в главе 38.

Ряд элементов религиозного дискурса в переводе Станевич опускается. Чаще всего это аллюзии, прецедентные имена и тексты, которые служат не предметом речи, но средством художественной выразительности, то есть выполняют вспомогательную роль. В примере (2) опущено словосочетание *this tent of Achan*, содержащее аллюзию на малоизвестный ветхозаветный сюжет (Нав. 7:1–26) и означающее то же, что *this accursed place*:

(2) “... nor do I mean to torment you with the hideous associations and recollections of Thornfield Hall — *this accursed place — this tent of Achan — this insolent vault, offering the ghastliness of living death to the light of the open sky — this harrow stone hall, with one real fiend, worse than a legion of such as we imagine*” (p. 427). — «... я отнюдь не собираюсь мучить тебя гнусными воспоминаниями, связанными с Торнфилд-холлом, в котором живое воплощение смерти вопиет к ясному небу, — этой тесной каменной преисподней, где властвует один только реальный дьявол, худший, чем легион воображаемых» (Станевич, с. 378). — «... я не намерен терзать тебя соприкосновениями с Тернфилд-Холлом, с жуткими воспоминаниями об этом проклятом месте, *этом шатре Ахана*, этом спесивом склепе, хвастающем перед простором небес жутью живых мертвецов, об этом каменном аде, единственный подлинный демон которого много хуже легиона воображаемых!» (Гурова, с. 349).

В примере (3) Рочестер предостерегает Джейн от излишнего, как он считает, любопытства, сравнивая ее с прародительницей Евой, любопытство которой привело к первородному греху. Данная метафора опущена Станевич и воспроизведена Гуровой:

(3) “You are welcome to all my confidence that is worth having, Jane; but for God’s sake, don’t desire a useless burden! Don’t long for poison — *don’t turn out a downright Eve on my hands!*” (p. 373). — «Нет, вы не лишитесь моего доверия, Джейн. Но ради бога, не стремитесь брать на себя ненужное бремя, не тянитесь к яду» (Станевич, с. 329). — «Я отдаю тебе все мое доверие, Джейн, которое того заслуживает, но, ради Бога, не ищи ненужной ноши! Не возжелай яда, *не превратись в моих объятиях в новую Еву*» (Гурова, с. 305).

¹ Тексты оригинала цит. по: [Bronte, 2003], в качестве примеров сначала представлен перевод В. О. Станевич [Бронте, 2020], затем — перевод И. Г. Гуровой [Бронте, 2019] с указанием фамилии и страниц.

Следующий контекст (4), где Джейн слышит приказ Сент-Джона поехать с ним в Индию в качестве его жены и помощницы миссионера, содержит аллюзию на книгу Деяний апостолов (Деян. 16:6–10). Станевич опускает прямую речь и упоминание македонянина (некоего горожанина, который позвал апостола Павла проповедовать в Македонии), Гурова переводит фрагмент полностью и, кроме того, эксплицирует имя Павла, о котором в оригинале не говорится напрямую.

(4) “The glen and sky spun round: the hills heaved! It was as if I had heard a summon from heaven — *as if a visionary messenger, like him of Macedonia, had enounced: ‘Come over and help us!’* But I was no apostle — I could not behold the herald — I could not receive the call” (p. 570). — «Земля и небо закружились передо мной, горы заколебались. Казалось, я услышала призыв небес. Но я не была апостолом, вестник был мне незрим, и я не могла последовать призыву» (Станевич, с. 509). — «Ущелье и небо завертелись вокруг меня, холмы закачались. Я словно услышала призыв с небес: *точно вестник в видении, точно муж Македонянин воззвал к апостолу Павлу: “Приди и помоги нам!”* Но я ведь не апостол, я не могла узреть вестника, я не могла слышать зова» (Гурова, с. 463).

При переводе контекстов, где метафорически используются слова со значением «загробный мир, обитель праведников» *Eden, Elysium* (5–6), Станевич применяет генерализацию, Гурова точно воспроизводит оригинал.

(5) “I have a rosy sky and a green flowery *Eden* in my brain, but without, I am perfectly aware, lies at my feet a rough tract to travel, and around me gather black tempests to encounter” (p. 445). — «В моей фантазии я вижу алеющее небо и цветущий *рай*, но я прекрасно знаю, что мне нужно идти суровым путем и что мне грозят черные бури» (Станевич, с. 395). — «В моих мыслях я храню розовое небо и зеленеющий полный цветов *Эдем*, но я хорошо знаю, что на самом деле передо мной тянется ухабистая дорога, а вокруг собираются черные тучи, и впереди меня ждет одна гроза» (Гурова, с. 363).

(6) “... I with my concealed and racking regrets for my broken idol and lost *Elysium*” (p. 500). — «... я, с моей затаенной мучительной тоской о разбитом кумире и потерянном *рае*» (Станевич, с. 446). — «... я, жертва скрытых надрывающих душу сожалений о моем разбитом кумире и потерянном *Элизиуме*» (Гурова, с. 408).

В оригинале подчеркивается различие между истинным, христианским раем и Элизиумом (так в древнегреческой мифологии называется часть загробного мира, обитель душ блаженных), языческим, ненастоящим, иллюзорным раем. Под потерянным Элизиумом подразумеваются надежды Джейн на счастливую жизнь в браке с Рочестером, в то время как он был женат. Поскольку книга имеет христианскую направленность, упомянутое различие в ней значимо, но, так как данная реалья более знакома представителям западной культуры, чем русской, для полного понимания контекста читателю необходимо обратиться к примечаниям в конце книги либо к дополнительным источникам.

Ирония в религиозном дискурсе романа

Использование элементов религиозного дискурса в иронических контекстах — это частный случай использования религиозных мотивов и аллюзий как средств выразительности речи в романе. Исследователь английского менталитета К. Фокс отмечает, что «ирония — постоянный, заданный, стандартный элемент повседневного общения» англичан, и говорит о «вездесущности» иронии [Фокс, 2013, с. 84–85]. Так, в примере (7), рассказывая о суровых, полных лишений буднях в пансионе, Джейн упоминает утомительные библейские чтения и с горькой иронией называет их «спектаклем», а падение со скамьи смертельно усталых девочек — «интерлюдией», в которой они «играли роль» Евтиха — юноши, насмерть разбившегося при падении из окна третьего этажа и воскрешенного апостолом Павлом (Деян. 20:9). Гурова точно воспроизводит аллюзию и добавляет пояснение «во время проповеди апостола Павла», заменив, однако, метафору спектакля и интерлюдии фразой «вносили некоторое разнообразие», отчего в ее переводе ироничность выражена слабее. Станевич по цензурным соображениям опускает библейское сравнение и вместе с тем полностью исключает иронию.

(7) “A frequent *interlude* of these performances was the enactment of the part of Eutyclus by some half-dozen of little girls, who, overpowered with sleep, would fall down, if *not out of the third loft*, yet off the fourth form, and be taken up half dead” (p. 92). — «Сон настолько овладевал младшими девочками, что они валялись со своих скамеек и их поднимали полумертвыми от усталости» (Станевич, с. 72). — «Часто младшие девочки *вносили некоторое разнообразие, уподобляясь Евтиху, который упал из окна во время проповеди апостола Павла*, — они засыпали и падали, правда, не с “*третьего этажа*”, но с четвертой скамьи, и их поднимали полумертвыми от утомления» (Гурова, с. 78).

При переводе иронического контекста в примере (8) со словом *phylactery* — филактерия (одна из двух кожаных коробочек, которую иудеи подвязывают во время утренней молитвы на лбу и на левой руке; содержит пергаментные листки с текстом молитв и изречений из Торы, в переносном смысле — нечто, указывающее на благочестие, набожность человека) Станевич опускает данную реалию, но передает иронию словом «украсила» в смысле, противоположном прямому значению. Гурова дает описательный, разъясняющий перевод лексемы *phylactery*:

(8) “Next morning, Miss Scatcherd wrote in conspicuous characters on a piece of pasteboard the word ‘Slatern’, and *bound it like a phylactery* round Helen’s large, mild, intelligent and benign-looking forehead” (p. 111). — «На другой день мисс Скэтчерд написала крупными буквами на куске картона слово “неряха” и *украсила* этой надписью широкий, умный и спокойный лоб девочки» (Станевич, с. 89). — «Утром мисс Скэтчерд крупными буквами написала на полоске картона: “неряха” и *словно повязку со словами Завета наложила* ее на высокий, нежный, умный, добрый лоб Хелен» (Гурова, с. 93).

Нами были также выявлены контексты, где Станевич точно воспроизводит оригинал, а Гурова привносит иронически окрашенный религиозный мотив, отсутствующий в оригинале. Так, в переводе (9), чтобы показать отношение Джейн к лицемерным речам мистера Брокльхерста, попечителя пансиона, Гурова добавляет реалию *иеремиада*, которой не было у Бронте, и объясняет ее в примечаниях: горькая жалоба, сетование (от библейского рассказа о плаче пророка Иеремии по поводу разрушения Иерусалима) [Бронте, 2019, с. 522].

(9) “Mr Brocklehurst resumed” (p. 100). — «Мистер Брокльхерст продолжал» (Станевич, с. 80). — «Затем мистер Брокльхерст возобновил свою *иеремиаду*» (Гурова, с. 84).

Переводя слова героини-рассказчицы (10) о периоде, когда питание в пансионе стало лучше, Станевич следует за оригиналом (*dined sumptuously* — досл. ‘роскошно обедали’), а Гурова вводит ироническую отсылку к одному из смертных грехов, каковым считается у христиан чревоугодие:

(10) “... she [housekeeper] would give us a large piece of cold pie, or a thick slice of bread and cheese, and this we carried away with us to the wood, where we each chose the spot we liked best, and *dined sumptuously*” (pp. 115—116). — «...нам давали по большому куску холодного пирога или ломоть хлеба с сыром, и мы уходили в лес, где у каждой было излюбленное местечко, и там *с удовольствием съедали принесенное*» (Станевич, с. 94). — «...новая экономка давала нам по большому куску холодного мясного пирога или толстый бутерброд с сыром. Мы забирали их с собой в лес и в облюбованных уголках *предавались чревоугодию*» (Гурова, с. 96).

Употребление религиозных аллюзий в ироническом ключе положительной, глубоко верующей героиней, по-видимому, норма для английской лингвокультуры времен Бронте. Для русской же лингвокультуры это скорее не характерно. Перевод Станевич, преуменьшающий данную особенность, оказывается «приближающим» произведение к носителям русской культуры, а перевод Гуровой, где эта особенность передана даже в большей степени, чем в оригинале, — «отдаляющим».

Усиление религиозного пафоса в переводе И. Г. Гуровой

Как уже отмечалось нами, не до конца переведенный религиозный аспект романа «Джейн Эйр» — это то, что, в сущности, вызвало к жизни перевод Гуровой. Воссоздание во всей полноте религиозных мотивов, очевидно, было главной задачей переводчицы, поэтому неудивительно, что для ее текста характерна тенденция к усилению религиозного пафоса.

Один из способов такого усиления — выбор того значения многозначного слова, которое относится к религиозному дискурсу. Выбирая значение слова *unction* ‘1) мазь, елей, средство успокоения (бальзам) 2) набожность, благодать, рел. рвение’ [Большой англо-русский словарь, 1979], в примере (13) Гурова повышает регистр речи:

(11) “... there is not another being in the world that has the same pure love for me as yourself — *for I lay that pleasant unction to my soul, Jane, a belief in your affection*” (p. 375). — «Нет на свете ни одного существа, которое бы любило меня такой чистой любовью, как ты, *ибо я, как бальзам, приложил к моей душе, Джейн, эту веру в твою любовь*» (Станевич, с. 331). — «Никто в мире не питает ко мне такой чистой любви, как ты, — *ведь, Джейн, веря в твое чувство ко мне, я умащиваю душу благодатью*» (Гурова, с. 306).

Понятие греха как одно из ключевых понятий религиозного дискурса встречается в переводе «Джейн Эйр» Гуровой чаще, чем в оригинале, где многозначность английских лексем дает возможность двойного толкования. Различие оттенков смысла в переводах (12) определяется многозначностью глагола *to err* ‘1) ошибаться, заблуждаться, 2) грешить’ [Большой англо-русский словарь, 1979]. Станевич, пере-

ведя данный глагол контекстуальным соответствием, подчеркивает внимание героя к чувствам героини, а Гурова — апелляцию героя к религиозным нормам (являются ли те или иные действия грехом).

(12) "... but first, look at me, and tell me that you are at ease, and not fearing that I *err* in detaining you, or that you *err* in staying" (p. 312). — «Но сначала посмотрите на меня и скажите, что вы *чувствуете себя легко* и вас *нисколько не беспокоит*, что я задерживаю вас здесь» (Станевич, с. 272). — «Но прежде посмотрите на меня и скажите, что чувствуете себя свободно и не опасаетесь, что *я грешу*, задерживая вас здесь, а *вы грешите*, оставаясь со мной» (Гурова, с. 255).

В примере (13) переводчицы выбирают разные контекстуальные соответствия прилагательного *wicked* '1) злой 2) нехороший, плохой 4) нечестивый' [Большой англо-русский словарь, 1979]. В данном контексте мы видим реакцию Рочестера на решение Джейн уйти от него, когда она узнала, что он женат. У Станевич он реагирует, исходя из своего субъективного понимания о правильности поступков, а у Гуровой снова апеллирует к понятию греха, хотя в системе ценностей Джейн его предложение жить с ним в качестве любовницы как раз и является греховным.

(13) "Oh, Jane, this is bitter! This — this is *wicked*. It *would not be wicked* to love me" (p. 449). — «О Джейн, это больно! Это... это *неправильно*; *правильно было бы* любить меня» (Станевич, с. 399). — «Джейн, это жестоко! Это... это *грешно*. Любить меня *не было бы грехом*» (Гурова, с. 366).

В отдельных случаях Гурова добавляет в свой перевод слова религиозного дискурса, которых не было в оригинале (ср. пример (9) с «иеремиадой»). Это незначительные детали, как перевод *little room* словом «келья» в 12-й главе или молитвенник вместо прихода-расходной книги в примере (14), но они служат общей цели — насыщению текста романа как можно большим количеством христианских мотивов. В данном примере идет речь об Элизе, кухне Джейн, черствой, педантичной и строго соблюдающей формальные требования религии:

(14) "One day, however, as she put away her *account-book* and unfolded embroidery, she suddenly took her up thus" (p. 337). — «Но однажды, когда она захлопнула свою *приходо-расходную книгу* и принялась за вышивание, она вдруг обратилась к Джорджиане со следующей тирадой» (Станевич, с. 295). — «Однако настал день, когда, отложив *молитвенник* и взяв рукоделие, она внезапно прочла сестре следующую нотацию» (Гурова, с. 275).

Еще один способ достижения этой же цели — увеличение экспрессивности слова по сравнению с оригиналом. Так, в примере (15) Сент-Джон Риверс говорит, что нужно призывать к служению Богу людей, сильных и способных к такому служению, то есть буквально «сказать послание Небес им в уши». В оригинале и двух переводах данная мысль выражена так:

(15) "... to *speak* Heaven's message into their ear" (p. 570). — «...*открывать* им волю небес» (Станевич, с. 509). — «...*прокричать* весть Небес им в уши» (Гурова, с. 462).

Далее рассмотрим характер неточностей, допущенных переводчицами при передаче элементов религиозного дискурса. В примере (16) Бронте сравнивает будущее Джейн после крушения всех ее надежд с обликом мира после всемирного потопы. Станевич воспроизводит данное сравнение. Гурова, желая дать в переводе еще одну, дополнительную аллюзию на библейские тексты, смешивает два сюжета: цитата «земля была безвидна и пуста, и дух Божий носился над водою» (Быт. 1:2) относится к повествованию о сотворении мира, а не о всемирном потопе.

(16) "No one thought was to be given either to the past or the future. The first was a page so heavenly sweet... The last was an *awful blank*: something like *the world when the deluge was gone by*" (p. 456). — «Ни одной мысли не следовало допускать ни о прошлом, ни о будущем. Прошлое — это была страница такого небесного блаженства... Будущее же было *совершенно пусто*. Оно было как *мир после потопы*» (Станевич, с. 405). — «Ни единой мысли ни о прошлом, ни о будущем. Первое было страницей такой небесной радости... Последняя же страница была *пустой и безвидной, точно мир, когда схлынул потоп*» (Гурова, с. 372).

В примере (17) интерес представляет перевод метафор *tillage of the soil* 'возделывание почвы' и *the first pioneers of the Gospel*, букв. 'первые пионеры/первопроходцы проповеди Евангелия', в речи Сент-Джона Риверса о миссионерстве. Станевич передает смысл оригинала. В переводе Гуровой смешиваются две метафоры: основанная на тексте оригинала «подготовить, вспахать почву для принятия семян христианской веры» (Мф. 13:1–9) и добавленная переводчицей «сеятель слова Божьего» (Мф. 13:3–23). В результате нарушается сочетаемость: можно пахать почву и сеять Слово Божье, но нельзя *пахать Слово.

(17) "I hold that the more arid and unreclaimed the *soil*, where the Christian labourer's task of *tillage* is appointed him — the scantier the meed his toil brings — the higher the honour. His, under such circumstances, is the destiny of the pioneer; and the *first pioneers of the Gospel* were the Apostles — their captain was Jesus,

the Redeemer, Himself” (p. 503). — «Я полагаю, что чем бесплоднее и неблагодарнее *почва*, доставшаяся в удел христианскому *пахарю*, чем хуже награждается его труд, тем больше для него чести. В этом случае его удел — удел пионера, а *первыми пионерами христианства* были апостолы, и главою их был сам Спаситель» (Станевич, с. 448). — «Я утверждаю: чем засушливей и тверже *почва*, которую *вспахать* — долг христианского труженика, тем выше честь. Тогда он уподобляется первопашцу, а *первопашцами Слова Божьего* были апостолы, вел же их сам Иисус Искупитель» (Гурова, с. 410).

Иногда стремление сохранить при переводе интернациональную лексику приводит к тому, что перевод может быть неверно понят читателем в контексте его собственной лингвокультуры: читая пример (18) в переводе Гуровой, можно подумать, что Сент-Джон Риверс — сектант, и этим объясняется его фанатизм.

(18) “I am not a pagan, but a Christian philosopher — a follower of the *sect* of Jesus” (p. 533). — «Я не языческий, а христианский философ — последователь Иисуса» (Станевич, с. 476). — «...я не языческий, но христианский философ — последователь *секты* Иисусовой» (Гурова, с. 434).

В русском языке единственно возможное значение слова *секта* в религиозном дискурсе — религиозная община, отколовшаяся от господствующей церкви [Словарь русского языка, 1999], в то время как с английского языка *sect* может переводиться как ‘1) секта 2) церковь, вероисповедание 3) направление, течение’ [Большой англо-русский словарь, 1979]. В данном случае, по нашему мнению, более уместным, чем «секта», является эквивалент «церковь, вероисповедание» или, поскольку Сент-Джон сравнивает себя с апостолами, проповедовавшими в самом начале христианской эры, «направление, течение» (новое на тот момент течение в религии). Оупущение, которое имеет место в переводе Станевич, также приемлемо, потому что не влечет за собой смысловых потерь.

Пример (19) взят из эпизода, где Рочестер рассказывает о своей жизни на Ямайке в невыносимо жарком климате с сумасшедшей и развратной женой. Сравнение воздуха с парами серы имплицитно сравнивает такую жизнь с Содомом и Гоморрой, на которые Бог в наказание обрушил дождь из огня и серы (Быт. 19:24). Станевич смешивает понятия *сера* и *фосфор*, Гурова точно воспроизводит оригинал:

(19) “The air was like *sulphur*-steams — I could find no refreshment anywhere” (p. 437). — «Мне казалось, что воздух насыщен *фосфором*. Нигде ни одной струйки свежести» (Станевич, с. 387). — «Воздух обжигал, будто *серные* пары, я не обрел желанной прохлады» (Гурова, с. 357).

Итак, в переводе Станевич неточности в передаче смысла элементов религиозного дискурса носят характер случайной погрешности, а в переводе Гуровой, по-видимому, объясняются стремлением сделать русский текст романа как можно более религиозным.

При переводе художественной прозы первой половины XIX века возникает вопрос о передаче архаической окраски и (или) о намеренной архаизации текста перевода. В. О. Бабков, к примеру, предостерегает против стиливого разнобоя, советует избегать слишком ярких красок при архаизации и крайне осторожно использовать старославянизмы, иначе возникает риск разрушить иллюзию достоверности [Бабков, 2022, с. 291]. При чтении романа «Джейн Эйр» в оригинале можно заметить, что язык Бронте не насыщен архаизмами и в целом легко воспринимается читателем XXI века. Смысловая связка «религиозный дискурс — архаичность и высокий регистр речи» намного заметнее в русском языке, чем в английском. В русском языке существуют славянизмы — слова старославянского или церковнославянского происхождения, снабженные в толковых словарях пометами *высок.*, *книжн.*, *устар.*, *поэт.*, *церк.* В английском языке тоже есть слова архаичные или относящиеся к высокому стилю (например, *to behold* ‘созерцать, зреть, лицезреть’), но они не выделяются в особую лексико-стилистическую категорию. Славянизмы широко использует в своем переводе Гурова и, как представляется, преследует при этом две цели: архаизировать текст и усилить его религиозный пафос. Станевич не прибегает к намеренной архаизации.

В примере (20), построенном на антитезе, Станевич переводит *uprightness* ‘честность, справедливость’ [Большой англо-русский словарь, 1979] контекстуальным соответствием *душевная твердость*, а Гурова — лексемой *праведность* в ее устаревшем значении — существительному к *праведный* — ‘1) строго соблюдающий правила религиозной морали; благочестивый; 2) *высок. устар.* справедливый, правильный’ [Словарь русского языка, 1999]. Употребление семантических архаизмов может представлять сложность для понимания, так как читатель воспринимает их в соответствии с общеупотребительным современным значением. В данном случае *праведность (благочестие)* не может быть противопоставлена *сострадательности*.

(20) “... his office of inspector, too, was shared by those who knew how to combine reason with strictness, comfort with economy, compassion with *uprightness*” (p. 124). — «...и свои обязанности инспектора он должен был делить с теми, кто умел сочетать бережливость с благожелательностью и *душевную твердость* с состраданием» (Станевич, с. 101). — «И свою должность инспектора ему

пришлось разделить с теми, кто умел сочетать взыскательность с благоразумием, экономность с щедрым обеспечением всем необходимым, *праведность* с сострадательностью» (Гурова, с. 103).

При сопоставлении оригинала и двух переводов можно видеть в оригинале и переводе Станевич общеупотребительную лексику, а в переводе Гуровой — архаизмы высокого регистра речи: *hope* — *надеяться* — *уповать*; *see* — *видеть* — *зреть* (самые частотные), *find* — *найти* — *обрести*, *young persons* — *молодые особы* — *юницы*, *to the glory of God* — *ради славы Божьей* — *к вящей славе Божьей*, *I struggle to retain a useless life* — *борюсь за ненужную жизнь* — *тщусь сохранить никчемную жизнь*, и др. Наиболее яркий пример таких соответствий наблюдается в монологе мистера Брокльхерста — попечителя пансиона и священнослужителя (21).

(21) Brontë: "... her excellent patroness was obliged to separate her from her own *young ones*, fearful that her vicious example should contaminate their purity; she has sent her here to be healed, even as the Jews of old sent their *diseased* to the *troubled* pool of Bethesda; and, teachers, superintendent, I beg you not to allow *the waters* to stagnate round her" (p. 101). — «...ее добрейшая покровительница была вынуждена разлучить ее с собственными *детьми*, чтобы эта девочка своим порочным примером не осквернила их чистоту; она прислана сюда для исцеления, как *в старину* евреи посылали своих *больных* к озеру Вифезда. И вы, наставницы и директриса, прошу вас, — не давайте *водам* застаиваться и гнить вокруг нее» (Станевич, с. 80). — «...ее превосходнейшая покровительница была вынуждена отделить ее от собственных *чад*, дабы ее дурной пример не осквернил их чистоты, и послала ее сюда для исцеления, как *древле* иудеи погружали своих *недужных* в *возмущенные* воды Вифезды, купальни у иерусалимских *врат*. *Молю* вас, учительницы, директриса, не давайте *воде сей* загнить вокруг нее!» (Гурова, с. 84).

Среди стилистически окрашенных лексем — маркеров религиозного дискурса, использованных Гуровой, — наиболее частотное слово *уповать* — «устар. и высок. Твердо надеяться на что-л., с надеждой, верой ожидать исполнения, осуществления чего-л.» [Словарь русского языка, 1999], употребляемое переводчицей как в религиозных контекстах (22), так и в обыденных диалогах героев (23).

(22) "... the spirit, I trust, is willing, but the flesh, I see, is weak" (p. 597). — «...я *верю*, что дух ваш бодр, но плоть, как я вижу, немощна» (Станевич, с. 473–474). — «...дух, *уповаю*, готов, но плоть, я вижу, слаба» (Гурова, с. 484).

(23) "... and you, of course, must march straight to — the devil? 'I hope not, sir...'" (p. 322). — «...а вы, разумеется, отправитесь ко всем чертям? — *Надеюсь*, нет, сэр» (Станевич, с. 251). — «...а вы, разумеется, должны тут же удалиться... э... ко всем чертям? — *Уповаю*, что нет, сэр» (Гурова, с. 262).

Заключение

Роман «Джейн Эйр» представляет собой своеобразную энциклопедию событий и персоналий Ветхого и Нового Заветов. Многие религиозные аллюзии и прецедентные феномены, упоминаемые в романе, не знакомы рядовому читателю, что поднимает вопрос о необходимости примечаний. Без них невозможно понять содержание романа во всей его полноте, но частое обращение к примечаниям или иным источникам информации в ходе чтения разрушает целостное впечатление от книги. В любом случае можно утверждать, что Гурова, выполнив полный перевод элементов религиозного дискурса, приглашает читателя к исследовательскому чтению, к интеллектуальному труду по расширению кругозора и разгадыванию символики.

Каждый из исследованных переводов «Джейн Эйр» на русский язык — дитя своего времени. Перевод Станевич вышел всего через пять лет после окончания войны (на которой, как известно, атеистов не бывает), когда сталинские гонения на религию ослабли, а недалеко было и до хрущевской оттепели — это сделало возможным сам факт публикации романа в относительно полном переводе. Однако государственная идеология все же оставалась атеистической — отсюда купюры (опущения). Перевод Гуровой выполнен незадолго до распада СССР, во время восстановления прерванной религиозной традиции, когда цензура была упразднена, читатели получили свободный доступ к литературе религиозного содержания, для них было характерно свежее восприятие всего связанного с религией и — как и для самой переводчицы — желание «наверстать упущенное» в религиозной сфере.

В ходе исследования обнаружилось, что у каждой переводчицы — своя система отступлений от оригинального текста. У Станевич — «сохранить главное, жертвуя второстепенным»: сокращение некоторых контекстов религиозного содержания, опущение ряда элементов религиозного дискурса, в том числе употребляемых как фигуры речи. Станевич придерживается стратегии доместикации текста перевода, стремясь сделать его понятным для массового читателя. У Гуровой — «перевести все, и даже больше»: полный перевод элементов религиозного дискурса, добавление религиозных мотивов, отсутствующих

в оригинале, в том числе звучащих иронически; насыщение текста славянизмами; выбор значений, относящихся к религиозному дискурсу, при переводе многозначных слов. Гурова придерживается стратегии форенизации, ее перевод рассчитан на весьма эрудированного читателя. В аннотациях к изданиям романа данный перевод часто называют «самым полным»; добавим, что он более чем полный, и на его примере в очередной раз подтверждается изречение древнеримского писателя Квинтилиана: *facilius est plus facere quam idem* ‘легче сделать более, нежели то же’, цит. по: [Чуковский, 2022, с. 58]. У обеих переводчиц присутствуют как перевод, близкий к оригиналу в содержательном и структурном плане, так и «отсебятина в духе подлинника» (выражение К. Чуковского [Там же, с. 335]), только понимание духа подлинника у каждой свое. Изучение вопроса о соотношении религиозного аспекта романа и его художественной целостности в переводах составляет перспективу исследования.

Список источников

1. Бабков В. О. Игра слов. Практика и идеология художественного перевода. — М. : АСТ : CORPUS, 2022. — 336 с.
2. Бобырева Е. В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19. — Волгоград, 2007. — 42 с.
3. Большой англо-русский словарь : в 2 т. / сост. Н. Н. Амосова, Ю. Д. Апресян [и др.]. — М. : Рус. яз., 1979.
4. Борисенко А. Л. Расшифровка Шарлотта Бронте. «Джейн Эйр». — URL : <https://arzamas.academy/materials/1820> (дата обращения: 23.11.2023).
5. Бронте Ш. Джейн Эйр : роман / пер. с англ. И. Г. Гуровой. — СПб. ; М. : Речь, 2019. — 528 с.
6. Бронте Ш. Джейн Эйр : роман / пер. с англ. В. О. Станевич. — М. : Эксмо, 2020. — 576 с.
7. Нененко А. А., Панин В. В., Рындина Ю. В. Особенности передачи прецедентных феноменов в переводах романа Ш. Бронте «Джейн Эйр» на русский язык // Современные исследования социальных проблем. — 2019. — Т. 11, № 4. — С. 137–158. — DOI: 10.12731/2077-1770-2019-1-137-158.
8. Самородническая Е. И. «Роман английской гувернантки»: как меняется роман Ш. Бронте «Джейн Эйр» в переводе И. И. Введенского // Шаги / Steps. — 2022. — Т. 8, № 2. — С. 267–279.
9. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — М. : Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999. — URL : <https://lexicography.online/explanatory/mas/> (дата обращения: 26.11.2023).
10. Фокс К. Англия и англичане. О чем молчат путеводители. — М. : РИПОЛ классик, 2013. — 512 с.
11. Чуковский К. И. Высокое искусство. — М. : АСТ, 2022. — 480 с.
12. Bronte Ch. Jane Eyre. With an afterword by Sam Gilpin. — NY : Barnes&Noble, 2003. — 650 p.

References

1. Babkov V. O. *Igra slov. Praktika i ideologiya hudozhestvennogo perevoda* [Word play. Practice and ideology of literary translation]. Moscow, AST Publ., CORPUS Publ., 2022, 336 p. (In Russian).
2. Bobyreva E. V. *Religiozniy diskurs: cennosti, zhanry, strategii (na material pravoslavnogo veroucheniya)* [Religious discourse: values, genres, strategies (based on Orthodox Christian doctrine)]. Author's abstract of doctoral dissertation: 10.02.19. Volgograd, 2007. 42 p. (In Russian).
3. *Bol'shoy anglo-russkiy slovar'*: v 2 t. [Big English-Russian dictionary: in 2 vols.]. N. N. Amosova, Yu. D. Apresyan [et al.]. Moscow, Russkiy Yazik Publ., 1979. (In Russian).
4. Borisenko A. L. *Deciphering Ch. Brontë. Jane Eyre*. Available at: <https://arzamas.academy/materials/1820> (accessed 23.11.2023). (In Russian).
5. *Brontë Ch. Jane Eyre: roman* [Jane Eyre: novel]. Transl. from Engl. by I. G. Gurova. St. Petersburg, Moscow, Rech Publ., 2019, 528 p. (In Russian).
6. *Brontë Ch. Jane Eyre: roman* [Jane Eyre: novel]. Transl. from Engl. by V. O. Stanevich. Moscow, Eksmo Publ., 2020, 576 p. (In Russian).
7. Nenenko A. A., Panin V. V., Ryndina Yu. V. Peculiarities of transferring precedent phenomena in Russian translations of Jane Eyre by Ch. Bronte. *Sovremenniy issledovaniya social'nyh problem* [Modern studies of social issues]. 2019, vol. 11, no. 4, pp. 137–158. DOI: 10.12731/2077-1770-2019-1-137-158. (In Russian).
8. Samorodnickaya E. I. “Novel by an English governess”: how the novel *Jane Eyre* changes in I. I. Vvedenskiy's translation. *Steps*. 2022, vol. 8, no. 2, pp. 267–279. DOI: 10.22394/2412-9410-2022-8-2-267-279. (In Russian).
9. *Slovar' russkogo yazika: v 4 t.* [Dictionary of Russian: in 4 vols.]. Ed. by A. P. Evgenyeva. Moscow, Russkiy yazik Publ., Poligrafresursy Publ., 1999. (In Russian). Available at: <https://lexicography.online/explanatory/mas/> (accessed 26.11.2023).

10. Fox K. *Angliya i anglichane. O chem molchat putevoditeli* [Watching the English. The hidden rules of English behaviour]. Moscow, RIPOL klassik Publ., 2013, 512 p. (In Russian).
11. Chukovsky K. I. *Vysokoye iskusstvo* [High art]. Moscow, AST Publ., 2022, 480 p. (In Russian).
12. Brontë Ch. *Jane Eyre. With an afterword by Sam Gilpin*. NY, Barnes&Noble, 2003, 650 p.

Информация об авторе

Медведева Диана Игоревна — кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии, второго иностранного языка и лингводидактики Удмуртского государственного университета.

Information about the author

Medvedeva, Diana — candidate of philology, associate professor, Romance Philology, Second foreign language and Linguodidactics Department, Udmurt State University.

*Статья поступила в редакцию 27.11.2023;
одобрена после рецензирования 02.01.2024;
принята к публикации 15.01.2024.*

Иностранные языки в высшей школе

Научный журнал
Выпуск 1 (68)

2024

Главный редактор
Логинова Елена Георгиевна

Редакторы иностранного текста:

Е. С. Устинова (английский язык)
А. В. Николаенко (испанский язык)
Ван Цзиньлин (китайский язык)
Е. В. Игнатова (немецкий язык)
Н. К. Костина (французский язык)

Редактор Н. И. Тангаева
Технический редактор Д. А. Филатов

Дата выхода в свет 22.03.2024. Цена свободная.
Гарнитура SimSun, Times New Roman.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат 60x84¹/₈.
Усл. печ. л. 12,55. Уч.-изд. л. 11,4. Заказ № 125. Тираж 100 экз.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»

Адрес издателя:
390000, г. Рязань, ул. Свободы, 46

Адрес типографии:
Редакционно-издательский центр РГУ имени С. А. Есенина
390023, г. Рязань, ул. Ленина, 20а